

ПРЕМЬЕРЫ ТЕЛЕЭКРАНА

Пробиться к живой, мятущейся душе

НАША беседа с народным артистом УССР, лауреатом Государственной премии СССР Валерием ИВЧЕНКО состоялась сразу после выхода на телеэкран новой работы Ленинградского телевидения спектакля «Старик» по роману Ю. Трифонова, в котором В. Ивченко является исполнителем главной роли.

— Валерий Михайлович, наш первый вопрос — о вашем восприятии огромного мира Юрия Трифонова.

— Юрий Трифонов в моем понимании — это один из тех писателей, чей образ вызывает желание сравнить его с атлантами, держащими на своих плечах весь свод нашей духовной культуры за прошедшее двадцатилетие. В судьбе нашей литературы и нашего театра Юрий Трифонов сыграл особую роль. И его такая обидная, ранняя смерть для меня сравнима с тем, как если бы у строящегося дома убрали балку, опору.

Чем дальше, тем больше будет вырисовываться феномен Трифонова и его значение в советской литературе. Ведь посмотрите: то, о чем мы все сейчас горячо говорим, все это было предметом исследования всего творчества Юрия Трифонова. В его несуетности, в глубоких многолетних размышлениях, проникнутых болью, чувствуется дыхание классического писателя.

— Расскажите, пожалуйста, о своей работе над «Стариком».

— Так получилось, что я впервые прочел «Старика» в то самое время нашего всеобщего читательского «захлеб», и первым моим ощущением было огромное удовлетворение от пусть больного, страшного и острого, но очень серьезного, вдумчивого, художественного постижения времени, которым пропитан роман. И когда я после романа познакомился со сценарием (не с литературным, а с режиссерским), то сначала хотел даже отказать.

Мне показалось, что там присутствует некая торопливость и желание расставить и усилить «сегодняшние» акценты, но ведь при этом пропадает глубина романа. Поэтому, встретившись с режиссером и редактором, я просил вставить некоторые важные куски романа.

Так, не выпуская книги из рук, я стал работать над ролью Старика. Чем больше я погружался в роман, тем больше мне открывалось, тем большее я черпал, тем больше наполнялся. Естественно, не все, что хотелось, получилось. Но я очень благодарен всем, с кем связана эта работа, за то, что удалось соприкоснуться с миром Трифонова уже в ином, не просто читательском качестве.

— «Старик» — произведение многоплановое. Если рассматривать проблематику романа в контексте сегодняш-

ней жизни, то что вам представляется там наиболее важным сегодня?

— Историзм мышления Юрия Трифонова. На примере одной жизни моего героя, Павла Евграфовича Летунова, писатель рассматривает историю всей нашей революции. И именно в том аспекте, над которым все мы сегодня размышляем. А именно: что мы упустили, не использовали, проглядели?.. Писатель заставляет вообще посмотреть на Октябрьскую революцию в контексте развития всего человечества, ведь далеко не случайны в романе параллели с Великой французской революцией.

Изяв из собственного кругозора разнообразный и многоразличный опыт, мы создали предпосылки для искажений, искривленных и неверных понятий, которые впоследствии и привели ко многим трагичным вещам. Знаете, есть писатели, у которых на все заранее готов ответ. У Юрия Трифонова готовых ответов и загадываемых рецептов нет. Находясь на позициях высокого гуманизма, он мучительно пытается разобраться в сложном потоке времени.

Проблема проблем романа: как удержаться на переломе, как сохранить человеческую сущность при взрыве — ведь человечество за всю свою историю еще не придумало ничего для того, чтобы каким-то образом смягчить переломное время. Но при всей глобальности происходящих событий Трифонов пристально рассматривает отдельную личность, столь велика для него ценность одной человеческой жизни. И для меня это крайне важно. В романе на первом месте — внимание, любовь и сострадание к отдельному человеку.

Все пропуская через себя, анализирует герой романа Павел Евграфович Летунов события, происходившие с ним на протяжении всей его долгой и непростой жизни. И очень важен момент сопоставления событий бурного установления Советской власти на Дону, трагические репрессии 30-х годов, свидетелем и участником которых был Летунов, с нынешней «борьбой» его детей за лишнюю комнату на даче, соседа — за престижную поездку в Мексику. Эта столь разная шкала нравственных ценностей активизирует мысль и читателя, и зрителя — человек невольно начинает задумываться над тем, во имя чего же он живет?..

Очень важна в романе и тема вины, одна из главных тем гуманистической литературы. У Трифонова порядочный человек мучается неутихающей совестью — он делал лучшее, что мог, а в конце жизни понял, что сделал не все, и чувствует себя виноватым, и упорно, по часам, перебирая события давних лет, судит себя сам. Знание, пусть трагическое и горькое, — это проявление жизни, справедливости. Юрий Трифонов всегда сохранял надежду и силы жить. Поэтому для меня как для актера и человека столь важно было общение с его романом и так ценна была возможность работы над образом Старика.

— Какими вам видятся основные тревоги сегодняшнего дня?

— Всесоюзная партийная конференция наглядно продемонстрировала нам, с одной стороны, взятый сегодня рубеж, но с другой стороны — бастионы, этому рубежу противостоящие. И, должен заметить, грозные бастионы. Вызывают тревогу размеры и масштабы того, что должно быть изжито.

Убежден, что изжито все это может быть лишь при одном условии. В подобных ситуациях самое важное избежать ситуации, подобных описанным Ю. Трифоновым в романе «Старик»: когда вновь прозревшие ожесточенно воюют за справедливость, порождают новую несправедливость. Поэтому основной моей тревогой сегодняшнего дня является та тревога, которая пронизывает весь роман Трифонова.

Сегодня меня не столько пугает одинокий тип законепого сталиниста или бюрократа более поздней формации, потому что это — однозначная исторически победимая. Гораздо больше пугает меня тип ожесточенного неспровергаемого. Снова, возвращаясь к Трифонову, вспоминаю одного из самых ярких персонажей «Старика» — Шигонцева, который всю жизнь провел на каторге и превратился в бездушную машину возмездия, страшного в своей безоглядной ярости и нерассуждающей жестокости, не сомневающегося в своей карающей правоте. Сегодняшних Шигонцевых я боюсь больше всего.

Насущным и плодотворным, необходимым и живительным в наше сложное, неоднозначное время мне представляется лишь один путь: достучаться, пробиться, вернуться к живой, мятущейся и страдающей человеческой душе.

Беседу вел И. РОГАЧИЙ